

ИМПЕРСКИЙ ГЕНОТИП СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (знаки, символы, церемонии)

Татьяна Филиппова
Российский исторический журнал «Родина»,
АИРО-XX

Десять лет постсоветской истории России не прояснили вопроса о политико-культурной природе государственности, пришедшей на смену дряхлеющему тоталитаризму в его застойном исполнении. Этот острый кризис идентичности ставит под сомнение самую возможность государственного целеполагания, выстраивания стратегии политического поведения власти как в отношении собственного народа, так и в отношении мирового сообщества. Выявление собственной исторической наследственности, базовых архетипов государственности и характера происходящих с ними изменений представляется актуальнейшей задачей современного обществознания.

Тема имперской наследственности в природе российской власти, сравнительно-исторический анализ постимперского состояния России и других стран, переживших сходную трансформацию государственности, играют в данном случае особую роль. Поскольку именно имперская форма организации (и самоорганизации) власти на протяжении столетий проявила особую устойчивость и приспособляемость к условиям российского социума. Не будет преувеличением сказать, что вечная империя, транслирующая свою миссию духовную, культурную,

землеустроительную, государствосозидающую, проявляет особую выживаемость. И не только в связи с императивом силы как одного из основных факторов политической реальности, но и по причине своей изоморфности многочисленным реалиям российской повседневности. Поэтому в трансляции имперской идентичности интереснее всего увидеть не цель, а инструмент или форму. Неслучайно в России мы имеем интереснейший прецедент историческое бытие двух разных (в политико-культурном отношении) империй, катастрофически сменивших друг друга на одном геополитическом пространстве Государство Российское и СССР. Государство сменилось, а Империя осталась. Не свидетельствует ли это о том, что в российских условиях модель империи неизменно возникает явочным путем, что ее специально никто не строит. Общеимперская рациональная закономерность территориальное расширение за счет сильной центральной власти просматривается уже ретроспективно, тогда как властная интуиция имперской по своему генотипу власти выступает в разных обличьях, но весьма узнаваемо и вполне органично.

На протяжении XX века имперская, космополитическая идея наднационального единства дважды вырождалась. Сначала в упрощенный вариант православного царства с уклоном в зоологический национализм (при последнем Романове), потом в партийную практику всеобщей унификации и подкормки этнических элит (при последних генсеках). В итоге национализм сверху разрушил империю в 1917 году, а национализм снизу покончил с империей в 1991-м.

Однако события последних лет показывают, что в России дезинтеграция прежнего геополитического пространства и изживание экспансионистских устремлений (равно как и формально-демократические контуры постсоветской власти) реально уживаются в чертами имперской по сути символики, имперским ритуалом властных проявлений

и церемоний, с имперской стилистикой политико-культурного реагирования на вызовы времени. Многовековой опыт имперской интуиции versus актуальный рационализм вызовов глобализации в подобном фарватере (и осознанно, и бессознательно) прокладывает свой курс остров-Россия, из последних сил пытаясь сохранить свою евразийскую идентичность.

Гипотеза проводимого исследования состоит в следующем: современная российская власть с разной степенью осознанности все более берет за стилевой образец для себя многие внешние черты большого стиля поздней империи Александра III и Николая II. Драматичность политической культуры эпохи последних Романовых состояла в том, что имперская традиция переживала острый кризис борьбу классического имперства петербургского, западного образца с началом патриархально-московским, актуализирующим православные и национальные ценности.

Тогдашние властные манипуляции с имперскими смыслами на фоне проводимой сверху ускоренной модернизации привели к явной деградации политической культуры традиционной государственности, к нарастанию агрессивных, негибких форм идеологических установок и властных решений. Взаимодействие двух имперских традиций, так талантливо и щедро проявившее себя в духовной, художественной и научной культуре серебряного века, не смогло помочь осуществлению главной миссии государства стабилизации общественной жизни. Тем важнее выявить степень доброкачественности нынешних проявлений различных имперских традиций в поведении, сигналах, реакциях российской власти. А это предполагает установление

- меры их идентичности классическому имперству прошлого века,
- уровня агрессии и закрытости диалогу,
- способности к интеграции политико-культурных смыслов,

- адекватности отражения в них различных имперских идентичностей,
- степени мифологизации мышления конкретных носителей власти,
- их склонности к компромиссу,
- готовности опереться на исторический опыт (и какой именно).

Источниковой базой данного исследования служит (кроме многочисленных официальных документов и социологических исследований, отражающих лицо нынешней власти) материалы личного архива, собранного в ходе case-studies для журнала Родина и Вестника актуальных прогнозов Россия: Третье Тысячелетие. Содержанием данных материалов являются результаты опросов губернаторского корпуса и глав администраций Российской Федерации, лидеров ведущих политических партий и фракций Государственной думы, руководителей министерств и ведомств, ведущих ученых, политических аналитиков и политтехнологов современной России. Темы опросов касались характеристики реальных и оптимальных для страны форм государственной власти, представления респондентов о целях и средствах осуществления государственного курса, их мнения о героях и антигероях исторического прошлого страны, выявления степени их исторической ностальгии или же оптимизма. Особым сюжетом стало выявление отношения российской политической элиты к таким проектам власти, как евразийский сценарий и консервативная модернизация, имевшим широкий отклик в СМИ.

Необходимо особо отметить, что вопросы формулировались и сочетались таким образом, чтобы выявить гуманитарное, личностное измерение признаков имперской идентичности в мышлении и поведении опрошенных лиц. Обработка, анализ и обобщение этих данных с учетом их постоянного обновления (в связи с динамичностью политических процессов, протекающих в России), сопоставление их с

PR-сигналами официальной власти и происходящим на наших глазах оформлением символики новой российской государственности позволит, надеюсь, приблизиться к ответу на некоторые из вопросов, поставленных авторами проекта имперских идентичностей перед исследовательским коллективом.